

Вадим Назаров

КРУГИ
И
А
ВОДЕ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н19

Книга публикуется в авторской редакции

Назаров, Вадим

Н19 Круги на воде / Вадим Назаров. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 224 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-090631-4

Это подлинное, туземное сочинение, ярчайший образчик литературы питерского темного царства, мистическая густопсовая проза — на черепахе, трех слонах и батарееке «Варта» держащаяся; что-то дремучее и неправдоподобное. Я думаю, этот текст очень понравился бы Борхесу — даже не за литературные достоинства, а за дерзание.

Л. Данилкин

Роман-путешествие по истинным границам мира — от Юга до Севера, от Ада до Рая. Священная история волков — от Сотворения до новой эры. Биография Каина.

Жизнеописание трех Ангелов. Поход к истокам восьми рек.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-090631-4

© Вадим Назаров, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ПЕРВОПРОХОДЕЦ НЕБЕСНОЙ ГЕОГРАФИИ

1

Собственно говоря, в словосочетании *небесная география* есть некоторое противоречие, поскольку «география» в дословном переводе с греческого значит *землеописание*. Но уже схема, предваряющая роман может служить объяснением: Евфрат небесный и Евфрат земной плавно перетекают друг в друга — да и остальные реки образуют сквозные коридоры, ведущие (не всех, конечно) в эксклюзивные времена Бога, в первые Семь Дней творения, которые отнюдь не прошли. Это мы проходим, продираясь сквозь сорные времена, сквозь их заросли и колючки, пропитанные медленнодействующим, но верным ядом исчезновения. Философы уже отмечали неточность, заключенную в выражении «время берет свое». Время, с которым мы обычно имеем дело (его-то и отсчитывают стрелки часов), всегда берет чужое — и притом без спросу. А неизрасходуемое время первых Семи Дней не предназначено для массового заселения: нас всех уже слишком много. Только реки, текущие в просторах символического, позволяют совершить путешествие к истокам — но и оно требует собранности, легкого, непривычного для нас транспорта. Ибо мы, по определению, люди устья.

Некоторые сведения об истоках собраны в книге Вадима Назарова. Достоверность сведений в данном случае можно определить единственным образом — тем, как они собраны, в какой букет. Роман «Круги на воде» напоминает букет, собранный по всем правилам искусства и, сверх того, в соответствии с интуицией, побуждающей время от времени отменять правила. Точность отдельных предположений выдает опыт первопроходца, кропотливого исследователя небесной географии. Вот например:

«В небесах, скорее всего, свободного места гораздо меньше, чем в море или на земле».

Небеса заселены плотнее хотя бы потому, что их обитатели не подвержены исчезновению. Вкус смерти доступен лишь тому, кто низвергнут с небес: но, опять же, не каждому, а только наделенному жестоким даром, способностью ощущать привкус бессмертия. Этот привкус есть некое удовольствие, обретаемое в сфере символического и исчезающее тут же, в момент возвращения.

В сущности, роман мог бы иметь подзаголовок: *путевые заметки*. Непрерывные перемещения героев, их трассирующие полеты на мгновение высвечивают обитателей ближних и дальних небес. Обитателей много, из них некоторые названы по именам, а некоторые из названных помещены в прилагаемый ангеларий. Во всем этом сказывается основательность, результат тренированного зрения — но одновременно и решимость верить своим глазам, а не тем описаниям, которые по каким-то причинам считаются сегодня наиболее авторитетными.

Например, ангел-хранитель есть некая реальность, данная нам в ощущении и предвосхищении. Но очередная эпоха великих переименований принесла свои имена, дискредитировав прежние. В новом списке есть пи-мезон, популяция, энграмма, но нет ни фей, ни эльфов. Однако нет и никаких оснований предвещать

долгую судьбу новым именам, данным на одном из поствавилонских наречий: пройдет немного времени и пи-мезон разделит участь флогистона, ключевого понятия химии XVIII века.

Следует иметь в виду, что мера отчетливости всякого сущего определяется не столько восприятием, сколько именем, выкраивающим из неразличимости нечто единое. Это относится даже к самым простым вещам. Ницше в качестве примера приводит выражение «молния сверкает». Коварство языка заставляет нас предполагать, что помимо акта сверкания существует еще и особый субъект (молния), который при случае способен и *не сверкать*. Ряд порождаемых сущностей легко продолжить: гром гремит, дождь идет, ангел хранит... Субъект, именуемый дождем, не единичен, он окружен близкими родственниками — дождь проливной, ливень, и где-то там, во главе рода, могучие предки, *хляби небесные*. Но семейство ангелов куда более многочисленно: только хранителей в ангеларии Назарова насчитывается девять. Выбор каждого имени обусловлен способом (со)хранения, но по-настоящему обоснован лишь силой письма.

Сила письма (или точность называния) — это единственный способ уловить эхо вещей глаголов, единственный путь, сохранившийся и в поствавилонскую эпоху. Но и происходящее в сфере символического отнюдь не остается для нас безнаказанным: вслед за контурами выкраиваемого мира мы наносим на контурную карту самих себя.

— Добро пожаловать ко мне в гости, — говорит автор. А план прилагается — перекресток небесных рек с Невой и с речкой Оредежь. Прилагается и маршрут — текст романа. Смеею заверить: тот, кто проследит по маршруту, не пожалеет. Мир, населенный сущностями и существами, точно поименован и выдерживает проверку на зримость.

Вадим Назаров родился в Калининграде, в городе, где история была прервана и начата заново, с новым именем. Таких мест не так уж и много на земле. Вероятно, образующаяся прореха благоприятствует наблюдению невидимого, а искусство путешествий вырабатывает твердость руки, важнейшее качество для пишущего. По большому счету — «Круги на воде» — это первое произведение писателя, оставляющее решительно позади пробы пера и оповещающее о *происхождении мастера* как о свершившемся факте. В своей публичной жизни Вадим известен как человек успеха (хотя, конечно, всякое было), как один из лучших издателей и редакторов Петербурга. Кажется, Назарову удавались все те дела, за которые он брался, — так, по крайней мере, о нем говорят.

Но высокая точка старта представляет дополнительную трудность для писателя. Сложившиеся представления увеличивают риск предстать пред лицом читателя — теперь уже *от себя лично*. Следовательно, требуется и большая доля бесстрашия, чтобы выступить в роли автора, смирившись с неизбежной беззащитностью собственного текста. Только многократно подтвержденное признание слегка притупляет это чувство беззащитности, переводя его в состояние тревожного фона.

Что ж, Вадим Назаров безусловно может рассчитывать на первое признание: роман «Круги на воде» только укрепит его репутацию человека успеха. С другой стороны, именно поэтому трудность следующего шага ничуть не уменьшилась: заявка на большую литературную судьбу уже сделана и отступать будет некуда. Читатель, принявший приглашение к путешествию и оценивший по достоинству достопримечательности пути, уже не забудет имени проводника.

Вопрос о влияниях и заимствованиях, в течение двух столетий так волновавший литературную критику, в эпоху постмодерна отступил, наконец, на задний план — даже за пределы тревожного фона. Предъявляемый текст все оправдания содержит только в самом себе, и только способность очаровывать может рассматриваться как единственный критерий оригинальности, как действующий пропуск, завизированный подписью плененного воображения. Пропуск выдан, и, значит, все полномочия получены. Установление литературной родословной становится личным делом *умного читателя*, чем-то сопоставимым со склонностью к разгадыванию кроссвордов. Отличие состоит в том, что заполнить все строки кроссворда не может и сам составитель, более того — неведомые автору лакуны освобождают место для свободы письма. В сущности, художнику нет дела до попутно разгаданного кроссворда, ему важны лишь те пересечения воображаемой и действительной родословной, которые высвечиваются в таинстве текста, и если таинство состоялось, благодарность предшественников заведомо перевешивает задолженность художника.

Так, традиция ангелографии уходит своими корнями к гностикам, можно выделить несколько периодов расцвета и вспомнить имена хотя бы Дионисия Ареопагита и Бонавентуры. Метод дивинации с успехом применяли великие визионеры от Данте до Даниила Андреева; метод имеет очевидные преимущества, точнее сказать, преимущества очевидности: то, что показано ясно, не требует доказательства:

«Вместе с девственностью она, как и все женщины, потеряла способность различать некоторые оттенки красного, а детей у них не было».

Представленный здесь уровень очевидности можно назвать исчерпывающим, единственная трудность состоит в том, что такой способ демонстрации не поддается изучению. К тому же дар ясновидения сам по

себе отнюдь не гарантирует способности «яснопоказывания» — в противном случае искусство письма (и вообще искусство) было бы излишним. Испытать влияние, быть очарованным, *учиться у мастеров* — всего этого недостаточно, чтобы обрести право легкости, когда художник говорит: вот, смотри, — и всякий взглянувший увидит... Назаров обладает правом легкости и распоряжается им *по своему усмотрению*.

Ненавязчивость литературной искусственности — это органичность писателя. Подобно своему приятелю Павлу Крусанову Вадим Назаров тоже мог бы указать какую-нибудь ворону на дереве в качестве строгого, но справедливого учителя *чистописания*. В романе есть такого рода отсылки:

«Позднее, наяву, я видел изображения, отдаленно напоминавшие лилии из сна. Книга, где я их нашел, называлась *Летний луг глазами майского жука*».

Среди привилегированных объектов желания можно отметить купол Исаакия и мосты Петербурга. Очертания этого города нанесены на контурную карту духовной родины. «Круги на воде» — глубоко петербургский роман.

3

Извилистая траектория путешествия многократно проходит через Петербург. Горние сферы над этим городом особенно плотно населены, а низкое петербургское небо свидетельствует о непрерывности контакта между хранителями и хранимыми. Иногда зазор исчезает вовсе, смыкая сон с явью и соединяя Неву с рекой Фисон, подтверждая каждодневные подозрения, что видимая часть Невы — всего лишь зеркальная проекция тех вод, что были отделены от тверди. Путевой отчет указывает на эту странную особенность, едва уловимую в силу своей очевидности:

«Я провел по лицу ладонью и сквозь пальцы увидел: Поместный Ангельский Собор на ярусах Исаакиевского, строгие книжники Синода, легкомысленный Гений триумфальной колонны, Александриец, попирающий змея. Всюду мне открылись знаки горнего присутствия. Вазы и статуи на крышах только усиливали ощущение необитаемости. Строитель Империи, похоже, и в самом деле творил этот город не для людей. Отсюда и водный простор, привлекающий ветра, и тенистые парки, и смотровые площадки на куполах церквей».

Такова кратчайшая монограмма очарования Города, его формула, реализованная как замысел свыше: Петербург прекрасен со стороны моря, реки и неба — и невзрачен, почти непригоден для обитания изнутри. Что, однако, вполне устраивает зачарованных обитателей, способных здесь жить, — а до прочих Городу нет дела. Близость горнего присутствия объясняет и отсутствующий вид, и склонность вялотекущих разговоров начинаться и заканчиваться невпопад. Зато круги на воде здесь расходятся лучше всего, и раскаты вещей глаголов всего слышнее. Нет лучшего места для стажировки визионера-практиканта. Привыкнув к постоянному вмешательству призраков — полноправных *жильцов*, навечно прописанных в городе, — потом долго приходится стряхивать наваждение символического. Едва ли кто способен жить в Петербурге безвыездно и оставаться невредимым. Тому есть надежные свидетельства — от «Медного всадника» до романов Константина Вагинова, и в книге Назарова можно проследить момент передачи эстафеты, не требующий специального оповещения.

4

Продолжая разговор о *творческом методе*, следует обратить внимание на принадлежность к современной литературной манере в лучшем смысле этого

слова. Отказ от психологизма, лишенный даже опасений и поэтому не декларируемый, знаменует собой некую новую степень свободы. Автор избавляется от необходимости иметь дело с такими подозрительными реалиями, как характер, мотивировка, — и вообще отказывается от традиционной искажающей оптики реализма. Навязанное в свое время требование непрерывного описания сюртука или выражения лица героя уже давно дискредитировано как в высшей степени искусственное и вводящее в заблуждение. Перечисление «того, что стояло на столе», можно найти только в книге, подобный перечень никогда не присутствует ни в памяти, ни в структуре нормального человеческого восприятия. Вот мы пьем утром первый глоток кофе: посторонний наивный рассказчик может обставить это событие предметными аксессуарами — желтая керамическая чашечка, потрепанная скатерть, позвякивающая ложечка, купленная еще старшей сестрой в магазине на углу улицы X и улицы Y. Но для нас событие не распадается на отдельные предметы и разворачивается совсем в другом измерении, где-нибудь на кромке отступающего сна и подступающего бодрствования. Из предметов разве что стрелка часов присутствует в сознании — как резец, очерчивающий еще смутные намерения и столь же смутные желания.

Честность самоотчета требует избегать подсказок — готовых шаблонов, отстойников паразитарной словоохотливости. Для уклонения от таких ловушек вполне достаточно начальной школы вкуса. Ловушки психологизма устроены куда более хитро — они требуют, например, выстраивать характер героя, не отступая ни на шаг и усматривая в этой монотонной последовательности некую жизненную достоверность. Что ж, если такова «правда жизни», то придется признать, что она существует только в искусстве — в самой жизни ее нет.

Есть летучие конфигурации желаний, как правило не совпадающие с химерой характера. Помимо психологических мотивов есть просто мотивы, похожие на музыкальные темы; их красота и неожиданность могут быть вполне достаточным основанием для поступка. Мотивировка настоящего писателя не должна слишком далеко отклоняться от мотивировки композитора: когда опытный путешественник по сфере символического наталкивается на границу условности, он становится перебежчиком границы. Роман Назарова можно порекомендовать как инструкцию для перебежчиков.

Выигрыш в свободе (про)зрения выпадает тому, кто научился игнорировать навязчивую видимость повседневности, принудительную телесность и материальность мира, порождаемую очередным поствавилонским наречием. Прозрение не совместимо с подозрением, всегда затрудняющим вольный полет речи. Уклонение от ловушек позволяет вести наблюдение над странноживущими существами, не образующими свойств и тем более черт характера. Например, над племенем зарниц:

«Над полем полыхнули зарницы. Говорят, это тени существ, обитающие в пламени. Должно быть, на брошенной ферме загорелась гнилая солома.

Во время войны зарницы кружили над городом, как вороны над цыганской лошадей, и бросались на дровяные склады и библиотеки, опережая порой зажигательные бомбы. Это называется *самовозгоранием*.

За войну род зарниц разжирел.

Война многим служила хорошим прикормом».

Я полагаю, что умение отследить момент *самовозгорания* в привычной раскадровке происходящего есть свидетельство высшей школы вкуса. Опять же, преимущество иметь дело с ангелами, а не с пи-мезонами и психологическими зарисовками достается дорогой ценой. Требуется сугубая точность ясновидения и аб-

солютный слух ясноописания. Назаров ставит себе такую сверхзадачу, и время от времени на страницах романа высвечиваются сполохи безупречных попаданий, которые сменяются затем щадящим режимом повествования. Воды небесные отражаются в земных реках, но не меняют скорости их течения; главное русло книги напоминает описанную автором ось *в три ангельских объёма*:

«...по ней сверху вниз текло отработанное Время, сладкое, как патока».

Под воздействием встречных течений время раслаивается и сладость распределяется в соответствии со строгим критерием вкуса, оставляя место и отстраненным наблюдениям, и предвестиям и пророчествам:

«Демографическим взрывом бесы сформировали армию, по числу превосходящую, наверное, весь Десятый чин. Теперь так мало *покойников*, одни *мертвецы*, которых готовят к решающей битве».

Ибо очевидно, что время Первых Дней творения в основном исполнено и никакие *массовые пополнения* в принципе невозможны. Ведущими к цели могут оказаться лишь индивидуальные траектории, порожденные собственными усилиями первопроходца. Роман «Круги на воде» свидетельствует, что усилия Вадима Назарова должны увенчаться успехом.

Александр Секацкий

Вадим Назаров

КРУГИ НА ВОДЕ